

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Татьяна Владимировна Кудрявцева

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: tvkudryavtseva@herzen.spb.ru, tatyanavk@yandex.ru



Клятва Гиппократа и отношение к абортам в античном обществе

УДК: 61(091)

DOI: 10.24412/2079-0910-2025-3-35-51

В статье представлена дискуссия вокруг известной фразы из клятвы Гиппократа: «...я не вручу никакой женщине абортивного pessария», — которая иногда толкуется как запрет абортов. Анализируются сведения источников и мнения современных авторов. Указывается, что против подобного понимания есть ряд серьезных аргументов. В античности допускался инфантицид — странно было бы при таком отношении к новорожденным проявлять заботу о еще не родившемся плоде. В античном праве ничего не говорится о незаконности аборта; в глазах закона плод — не субъект, а часть материнского тела. В античной медицинской литературе содержатся сотни рецептов как противозачаточных, так и абортивных средств. Само это разнообразие говорит о том, что в античности женщины, желавшие прервать нежелательную беременность или вынужденные это сделать по медицинским показаниям, нередко прибегали к абортам. Появление парадоксального пункта в «Гиппократовой клятве» можно объяснить различным восприятием эмбриона в зависимости от срока беременности в античной философской и медицинской литературе. В начале беременности можно было избавиться от плода, не подвергая себя моральному осуждению, поэтому ранние аборты были вполне приемлемы. Можно предположить, что в клятве этот момент был опущен, хотя подразумевался, то есть речь шла о запрете применения абортивного pessария на сроке беременности от двух или трех месяцев и далее. Однако решить до конца загадку Гиппократовой клятвы в ситуации, когда мы можем только предполагать о том, кто ей следовал на практике и насколько ее нормы были всеобъемлющи, невозможно. Несомненно одно: гуманистическое влияние клятвы на античное общество отнюдь не привело последнее к отказу от массовой практики искусственного прерывания беременности.

Ключевые слова: Античность, Гиппократ, клятва, Гиппократов сборник, аборт, эмбрион.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-28-00515, <https://rscf.ru/project/24-28-00515/> в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена.

В эпоху античности проблема абортов, искусственного прерывания нежелательной беременности была столь же актуальна, как и в иные эпохи, и вызывала различного рода обсуждения и дискуссии. Об этом свидетельствует и главное античное сочинение по врачебной этике — «Клятва», или «Гиппократова клятва» (греч. Ὁρκος, лат. Iusiurandum). Неоднократно высказывалось мнение, что ее содержание, постулирующее базовые принципы медицинской этики, восходит к древней клятве асклепиадов, а во многих изданиях нового и новейшего времени она открывает Гиппократов корпус. Из входящих в него сочинений авторство Гиппократа признается лишь за некоторыми, при этом их перечень — предмет дискуссии еще с древности: некоторые книги сборника — происхождения еще догиппократовского, другие созданы были явно позже предполагаемого времени жизни Гиппократа, третьи принадлежат его эпохе, но необязательно ему самому. Что касается «Клятвы», традиция приписывала ее авторство как раз легендарному врачу (Erot. Voc. Hipp, p. 9 (Nachmanson); Sor. Gyn., 1, 19¹; Suda, s.v. Ἱπποκράτης), однако некоторые ученые еще со времен первых изданий Гиппократова корпуса в эпоху Возрождения выражали в этом сомнение. В работах, посвященных «Гиппократовой клятве», ее датировка варьируется в диапазоне от VI в. до н. э. до I в. н. э., хотя большинство все же соглашались с тем, что «Клятва» появилась в последней четверти V или первой половине IV в. до н. э. [Edelstein, 1943, p. VII; Lichtenhaeler, 1984, S. 277; Temkin, 2002, p. 31; Torrance, 2014, p. 372]². Не ставя целью подробное освещение дискуссии о том, кто является автором «Клятвы Гиппократа», все же отмечу ряд точек зрения, ибо с ними связано и толкование содержания клятвы. Знаменитый французский переводчик и комментатор сочинений Гиппократа Э. Литтре склонен был считать «Клятву» произведением великого косского врача [Littré, 1839, p. 293, 341–343]. Л. Эдельштайн, автор одного из самых фундаментальных изданий «Клятвы», полагал, что клятва выражает взгляды пифагорейцев IV в. до н. э. [Edelstein, 1943, p. 21]. Немецкий исследователь Ч. Лихтенелер привел ряд серьезных аргументов в обоснование того, что «Клятва» является с высокой степенью вероятности клятвой асклепиадов и написана самим Гиппократом [Lichtenhaeler, 1984,

¹ Здесь и далее все ссылки на античных авторов даются принятым в антиковедении образом: латиницей — сокращенное имя автора и название сочинения (если оно единственное у автора, название опускается), номер книги, главы или параграфа; если издание редкое, указывается также редактор, в отдельных случаях — номер страницы.

² Эллинистическим сочинением счел «Клятву», например, Г. фон Штаден [Staden, 2008, p. 425–466].

S. 323]. Американский историк Дж. М. Риддл предположил, что «Клятва» может быть не связана с медицинской школой Гиппократов, являясь сочинением чуть ли не маргинального автора [Riddle, 1997, p. 39]. Наконец, «Клятва», текст которой складывался на протяжении длительного времени, приписывалась нескольким авторам [Deichgräber, 1955, S. 14]. По мнению Х. Толсы, этические нормы врачебной практики, изложенные в «Клятве» (включая и пассаж об абортах), «были введены в период между Катонем Старшим и Плинием, то есть между серединой II века до н. э. и серединой I века н. э., после того как в Рим прибыла первая значительная волна греческих врачей» [Tolsa, 2019, p. 641]³.

Обратимся к тем словам из «Клятвы Гиппократов», которые нередко толкуются как запрет абортов: οὐ δώσω δὲ οὐδὲ φάρμακον οὐδενὶ αἰτηθεὶς θανάσιμον, οὐδὲ ὑφηγήσομαι συμβουλίην τοιήνδε: ὁμοίως δὲ οὐδὲ γυναικὶ πτεσσὸν φθόριον δώσω. В точном русском переводе В.И. Руднева эта фраза звучит так: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства⁴ и не покажу пути для подобного замысла: точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария⁵». То есть контекст здесь весьма серьезный, и абортивное средство сопоставляется со смертоносным ядом (ὁμοίως — «точно так же»).

Довольно распространенная в научной литературе точка зрения исходит из того, что в клятве говорится именно об абортивных пессариях; вероятно, пероральные лекарственные средства и хирургическое вмешательство, как и противозачаточные средства, не входили в запрет [Keller, 1988, S. 17; Riddle, 1992, p. 7, 9; Rütten, 1996, p. 469; King, 1998, p. 139]. Иногда — с оговоркой: пессарии фигурируют в тексте, так как их изготовление требовало профессиональных навыков и входило в сферу компетенции врача в отличие, допустим, от изготовления зелий, чем занимались и знахарки [Temkin, 2002, p. 23–24]. Однако хирургический аборт подразумевал еще большую профессиональную подготовку, но о нем в клятве не упоминается.

Есть и более широкая интерпретация: речь идет о запрете абортивных средств и абортов, за исключением вынужденных [Gossen, 1912, Sp. 1812; Jones, 1924, p. 11, 39; Edelstein, 1943, p. 3; Hopkins, 1965, p. 132; Pomeroy, 1975, p. 69; Jouanna, 2001, p. 130; Kapparis, 2002, p. 73]. Толкование фразы об аборте из «Клятвы» как запрета на любые способы прерывания беременности, отражающее христианские этические нормы, широко распространилось среди переводчиков на латинский язык и комментаторов «Клятвы» еще в эпоху Ренессанса [Rütten, 1996, p. 469–477]. Нередко объясняют этот запрет аборта в обществе, где можно было спокойно выкинуть новорожденного, некими этическими нормами и особым гуманизмом врачебного сообщества: врач, призванный спасти жизнь, не может

³ Эту точку зрения поддерживают: [Bhagia et al., 2022, p. 410–412].

⁴ Обычно эту фразу понимают как запрет давать пациенту яд, если он хочет покончить с собой, то есть что-то вроде запрета эвтаназии. Но некоторые видят здесь указание и на недопустимость преступного деяния (отравления) в отношении пациента [Tolsa, 2019, p. 628]. См. обсуждение в: [Littre, 1844, p. 622–624; Edelstein, 1943, p. 7–10].

⁵ Пессарий напоминал мешочек из полотна или шерсти, в который клалось лекарство, формой — с орешек, желудь, шарик; мог быть разной длины и толщины; прикладывался или вводился, например, с помощью пера (Hipp. De morb. mul., I, 19, 37, 60, 74).

нести смерть⁶. К. Дайхгребер полагал, что врач из «Клятвы» должен был отказать в аборте исходя из «генеалогического мышления аристократического рода», ибо никакой древний род нельзя было прервать, не вызвав гнева богов [*Deichgräber*, 1955, S. 26]. По мнению Ч. Лихтентелера, примеры абортотворения и абортивных средств в античной медицинской литературе и запрет в клятве не противоречат друг другу, ибо в клятве отразился некий идеал, отражающий представление патриархальной знати и врачебной элиты асклепиадов, на который врачи должны были равняться; она — как исключение из общей практики, моральный ориентир, задающий высокие этические стандарты [*Lichtenthaeler*, 1984, S. 140–146, 151]. Особняком стоит точка зрения Л. Эдельштайна: осознавая парадоксальность содержащегося в клятве запрета на аборт в контексте отсутствия какого-либо античного закона, защищающего плод, и распространенности практики искусственного прерывания беременности, немецкий ученый объяснял его появление влиянием пифагорейской философской школы (как и отказ способствовать суициду больного): пифагорейцы считали, что душа бессмертна и содержится в семени (Diog. Laert. VIII, 1, 28), то есть плод одушевлен с момента зачатия, аборт в этом случае губит живое существо [*Edelstein*, 1943, p. 15–18]⁷.

Понимание пассажа из клятвы как запрета абортов восходит еще к античности. Скрибоний Ларг, римский врач времен Тиберия и Клавдия, автор *Compositiones medicamentorum* — собрания 271 рецепта от разных болезней, в посвятельном письме к Гаю Юлию Каллисту, предваряющем это сочинение, сформулировал свою позицию так: «Гиппократ, основатель нашей профессии, передал основы науки, принеся клятву, в которой было предписано нерушимо врачу, чтобы средство, которое плод изгоняет, беременной не давать и не показывать, — тем самым склоняя души учеников к человечности. Ведь если они сочтут, что нечестиво вредить хрупкой надежде [нерожденного] человеческого существа, насколько же более преступным они сочтут вред уже выросшему (рожденному)» (Scrib. Praef.: Ep. ded., 5)⁸. Кстати, его упоминание клятвы считается первым однозначным античным свидетельством о Гиппократовой клятве⁹. Дж. Риддл предположил, что на ее восприятие

⁶ Как заметил Дарамберг, врачи «не желали ставить свое мастерство на службу этой обратительной практике» [*Daremberg*, 1855, p. 5, 9].

⁷ Большинство античных философов (в частности, платоники и стоики) считали, что душа появляется только у родившегося, поэтому спокойно относились к абортотворению (ссылки: [*Edelstein*, 1943, p. 15–18]). Эдельштайна неоднократно критиковали за его пифагорейскую интерпретацию «Клятвы». См., например: [*Lichtenthaeler*, 1984, S. 149, 279–286; *Kapparis*, 2002, p. 70].

⁸ Hippocrates, conditor nostrae professionis, initia disciplinae ab iureiurando tradidit, in quo sanctum est, ut ne praegnanti quidem medicamentum, quo conceptum excutitur, aut detur aut demonstretur a quoquam medico, longe praeformans animos discentium ad humanitatem. qui enim nefas existimaverint spem dubiam hominis laedere, quanto scelestius perfecto iam [S] | iam nato [J-B, S2] nocere iudicabunt.

⁹ Слова Катона Старшего в передаче Плиния и Плутарха, в которых видят намек на «Клятву», можно считать косвенным свидетельством ввиду парадоксального понимания цели врачебной клятвы. Плиний так воспроизводит слова Катона о злодеях — греческих врачах, которые вознамерились сгубить «варваров», то есть и римлян тоже: «...поклонились меж собою, что с помощью врачебного дела они убьют всех варваров, но делают это они за плату, чтобы было к ним доверие и чтобы легко [нас] погубить» (Plin. NH, XXIX, 7, 14: iuraverunt inter

Скрибонием повлияли его стоические убеждения, либо у него был какой-то неправильный вариант текста, — отсюда его неверное понимание строк об аборте [Riddle 1992, p. 8]. В любом случае, стал ли Скрибоний жертвой текста, в который могла вкрасться ошибка, или он подкорректировал слова «Клятвы» в соответствии с собственными этическими воззрениями, — именно он положил начало использованию «Клятвы» как аргумента против абортотв.

О том, что медицинское сообщество размышляло о допустимости абортотв в связи с Гиппократовой клятвой, свидетельствует и врач из Эфеса Соран (первая пол. II в.), автор сочинения «О женских болезнях» — главной книги по гинекологии и акушерству вплоть до Нового времени. По его утверждению, «одни отвергают абортотвные средства, ссылаясь на свидетельство Гиппократа, который говорит “я не дам никому абортотвного средства” (οἱ μὲν γὰρ ἐκβάλλουσιν τὰ φθόρια τὴν Ἴπποκράτους προσκαλούμενοι μαρτυρίαν λέγοντος οὐ δώσω δὲ οὐδενὶ φθόριον), ибо задача медицины — заботиться и сохранять то, что создано природой (καὶ ὅτι τῆς ἰατρικῆς ἐστὶν ἴδιον τὸ τηρεῖν καὶ σφῆζειν τὰ γεννώμενα ὑπὸ τῆς φύσεως); другие же прибегают к абортотвным средствам, но с ограничениями (οἱ δὲ μετὰ διορισμοῦ συντάσσουσιν αὐτά), то есть не назначают их тогда, когда женщина хочет избавиться от зародыша из-за прелюбодеяния или из-за беспокойства о сохранении красоты (τοῦτ' ἐστὶν οὐχ ὅτε διὰ μοιχείαν τις βούλεται φθεῖραι τὸ συλληφθὲν οὔτε δι' ἐπιτήδευσιν ὠραιοῦτος), а только для предотвращения возможной опасности во время родов (ἀλλ' ὅτε διὰ τὸ κίνδυνον κωλύσαι γενησόμενον ἐν ταῖς ἀποτέξεσιν)» — например, из-за малого размера матки или осложнений (Gyn., 1, 19, 60). Соран в данном контексте вообще не употребляет слово *πεσσός* (пессарий) для обозначения абортотвного средства, явно имея в виду и другие способы избавления от нежелательной беременности. В последующих разделах своего труда (Gyn., 1, 19, 61–65) он даст длинный перечень всевозможных абортотвных и противозачаточных средств включая зелья, pessarii, физические упражнения, диету и т. п.

Живший в IV–V вв. Феодор Присциан, личный врач императоров Аркадия и Феодосия II, автор сочинений *Rerum Medicarum Libri Quatuor* («Медицинские вопросы в четырех книгах») и *Euporiston libri III* («Доступные лекарства в трех книгах»), противник абортотв, заявлял: «Не дозволено никогда никому давать абортотвное средство» (*abortivum dare nulli umquam fas est*). Апеллировал здесь Присциан именно к клятве Гиппократа (*ut enim Hippocratis attestatur oratio* — Eur., III, 6, 23, p. 240 Rose).

Некоторые параллели с «Клятвой» можно усмотреть в надписи, датированной концом II — началом I в. до н. э., одного религиозного объединения эллинистического времени из г. Филадельфия (Лидия), основанного неким Дионисием в своем собственном доме (TAM V, 3 1539). Надпись содержит что-то вроде устава, полученного во сне. Участники должны дать клятву всем богам (16–17, τοὺς θεοὺς [πάντας ὄρχουσι] θῶσαν), что они не будут использовать и никому не посоветуют «ни вредного зелья, ни вредных заклинаний, ни любовного напитка» (скк. 18–10: μὴ φάρμακον

se barbaros necare omnes medicina faciunt, sed hoc ipsum mercede faciunt, ut fides iis sit et facile disperdant). Версия Плутарха: «Катон ненавидел не только греческих философов, но с подозрением глядел и на врачей, лечивших в Риме. Он слышал, по-видимому, о Гиппократе, который на приглашение персидского царя, сулившего ему много талантов жалования, ответил, что никогда не станет служить варварам — врагам греков. Катон утверждал, что подобную клятву приносят все врачи, и советовал сыну остерегаться любого из них» (Plut. Cat. 23, 3–4; перевод С.П. Маркиша).

πονηρὸν πρὸς ἀνθ[ρώπους, μὴ ἐπιω]δᾶς πονηρὰς <...> μὴ] φίλτρον), «ни abortивного средства, ни противозачаточного, ни что-либо другое, убивающее дитя» (скк. 20-21: μὴ φθορεῖον, μὴ [ἀτ]οκεῖον, μ[ὴ ἄλλο τι παιδο]φόνον). Однако никакого медицинского контекста и подтекста, кроме последней фразы, в надписи нет. По мнению эпиграфиста и историка Ф. Соколовского, упомянутые здесь зелья и ритуалы связаны с магией, чем объясняется столь решительный запрет [*Sokolowski*, 1955, p. 57], то есть к обсуждаемой нами проблеме данная надпись не имеет прямого отношения¹⁰.

Понимание клятвы Гиппократов как осуждения невынужденного прерывания беременности вообще и даже как запрета abortивных пессариев находится в противоречии с дошедшими до нас многочисленными свидетельствами древнегреческих и римских авторов. Рассмотрим более подробно те аргументы, которые можно извлечь из их анализа.

1. Для древних обществ (за редким исключением) характерно терпимое отношение к прерыванию беременности, особенно на ранних сроках. В античности, как известно, допускался инфантицид: либо замаскированный (оставление новорожденных младенцев, даже вполне здоровых и рожденных в браке), либо открытый (как в Спарте избавлялись от хилых и больных)¹¹. Чаще всего жертвами детоубийства и в Древней Греции, и в Древнем Риме становились девочки¹². Странно было бы при таком отношении к новорожденным проявлять заботу о еще не родившемся плоде и запрещать его вытравление.

2. Если abortы и осуждались отдельными представителями античного общества с морально-этических позиций, то сведения о преследовании такой практики «по закону» либо отсутствуют, либо их контекст показывает, что речь идет отнюдь не о праве плода на жизнь.

Из значительного числа источников по судопроизводству в классических Афинах сохранилось несколько фрагментов судебной речи Лисия, условно называемой «Об abortе», на которую ссылаются, правда, поздние авторы. Их фрагментарные и противоречащие друг другу высказывания не позволяют однозначно понять суть обвинения и вид жалобы (ὑραφή), по которой возбуждалось дело¹³. Одна из вероятных реконструкций: в результате чьих-то умышленных действий и физического воздействия (вариант: самой беременной) произошел выкидыш на достаточно позднем сроке беременности, что позволило обвинителю, ссылавшемуся на мнения

¹⁰ Предположение Х. Толсы о том, что появление и в тексте этой надписи, и в тексте «Клятвы» ряда положений (в том числе требования чистоты, запрет abortов и литотомии) связано с популярным в Лидии культом фригийской богини Кибелы, представляется неубедительным [*Tolsa*, 2019, p. 634–635, 641, 644].

¹¹ См., например: [*Pomeroy*, 1975, p. 69, 140; *Harris*, 1982, p. 114–116; *Feen*, 1984, p. 249–250]. На древнеримском материале — см., например: [*Brunt*, 1971, p. 9, 117, 146, 148–152]. Брант неоднократно подчеркивал: abortы и инфантицид были весьма распространены в римском обществе (passim), а право pater familias выкидывать новорожденного было отменено только при Валентиниане I (364–375) (С. Th. IX, 14, 1).

¹² По Греции — см., например: [*Pomeroy*, 1975, p. 69; *Patterson*, 1985, p. 119–121]. По подсчетам М. Голдена, подобная участь ждала примерно 10% новорожденных девочек [*Golden*, 1981, p. 300]. По Римской республике и Ранней империи: [*Pomeroy*, 1975, p. 164–165; *Brunt*, 1971, p. 104, 138, 151–152].

¹³ См. разбор источников, литературы и дискуссию о формулировке обвинения со ссылками на литературу и источники в: [*Кудрявцева*, 2021b, с. 39–52].

врачей и повитух, представить плод «живым». Высказывалось и такое предположение: обвинитель апеллировал к правам отца: убийство плода лишало его наследника [Riddle, 1992, p. 63]. Нам неизвестно о существовании какого-либо закона в классических Афинах, воспрещающего аборт даже на поздних сроках, однако это не исключает предположения о том, что права отца нерожденного ребенка могли стать аргументом в судебной тяжбе [Кудрявцева, 2021b, с. 49].

Если обратиться к римским реалиям эпохи Поздней республики, о некоторых правовых моментах, связанных с абортom, узнаем из речи Цицерона «За Клуэнция» — в контексте длинного списка гнусных преступлений Станция Аббия Оппианика. В числе прочих своих злодеяний и убийств тот будто бы отравил Аврию, беременную жену своего брата, отравленного им ранее, чтобы ребенок, который должен был родиться, не мог лишиться его наследства (Cic. Cluent., 31). В связи с этим Цицерон вспоминает, как во время его поездки в Грецию и Малую Азию (в 79 г. до н. э.), одна уроженка Милета была осуждена на смерть за то, что, получив от вторых наследников деньги (ab heredibus secundis accepta pecunia), сама вытравила плод с помощью разных снадобий (partum sibi ipsa medicamentis abegisset) (Ibid., 32). Негодует Цицерон здесь не на то, что милетянка убила нерожденного ребенка, а на то, что «она убила надежду отца, память имени, опору рода, наследника семьи, будущего гражданина государства» (Ibid.), то есть речь не идет о незаконности аборта sui generis. Милетянка была осуждена не за то, что сделала аборт, а за то, что, получив взятку, лишила своего мужа наследника, убив его [Hähnel, 1936, S. 240]. В целом же обвинения в злонамеренном прерывании беременности едва ли часто выливались в иски в античных судах — косвенным свидетельством является тот факт, что на Цицерона милетский судебный процесс произвел большое впечатление своей необычностью и сенсационностью.

Кстати, Цицерон полагает вину Оппианика еще большей, ибо «женщина, насилуя природу в собственном теле, подвергла истязанию самое себя, а он достиг той же цели, подвергнув другого человека мукам и смерти» (Ibid.). Еще в одном его злодеянии оратор усмотрел некую параллель с историей милетянки. Оппианик убедил вдову своего родственника, которая по завещанию умершего мужа должна была получить большие деньги в случае рождения сына, сделать аборт (Ibid., 33). Он выплатил женщине такую же сумму, присовокупив к ней подарки, и она, «подавшись алчности, продала злодею Оппианику свою надежду (victa avaritia scelere Oppianici vendidit) — порученный ей мужем плод, который она носила во чреве» (Ibid., 34, пер. В.О. Горенштейна). Из рассказа Цицерона не совсем ясно, в чем тут корыстный интерес Оппианика, но личный, несомненно, присутствует, ибо эта злодейка через четыре месяца после смерти своего мужа вышла замуж за Оппианика; правда, союз этот был недолговечен, ведь супругов «соединило соучастие в злодействе, а не святость брака» (Ibid., 35).

История ссылки на остров Пандатерию несчастной Октавии, бывшей супруги императора Нерона, показывает, что обвинение в аборте могло использоваться и в политической борьбе, характерной для династии Юлиев-Клавдиев, с целью устранения конкурентов, точнее конкуренток. Нерон, дабы жениться на Поппее Сабине, состряпал обвинение в прелюбодеянии против Октавии, подговорив сыграть роль ее любовника префекта Мизенского флота Аникета, который помог императору ранее избавиться от матери Агриппины (Tac. Ann., XIV, 62). Забыв свои недавние упреки бывшей жене в бесплодности, Нерон заявил в изданном им указе о ее ссыл-

ке на Пандатерию: Октавия не просто соблазнила его префекта, но, «побуждаемая преступностью этой связи, пресекла беременность» (*incusatae paulo ante sterilitatis oblitus*) (*Ibid.*, 63; пер. А.С. Бобовича). Неясно, подразумевался ли плод «преступной связи» или же ребенок принцепса. Но выдвижение подобного обвинения против Октавии, вероятно, апеллировало к тому, что аборт мог считаться, по словам П. Бранта, супружеским преступлением (*a matrimonial offence*) в случае, если совершался без согласия мужа [*Brunt*, 1971, p. 147]. Если же аборт делала незамужняя женщина или замужняя, но с согласия мужа, то, очевидно, он не был подсуден [*Hähnel*, 1936, S. 241; *Gardner*, 1986, p. 158–159].

При этом в римском праве ничего не говорится о незаконности аборта: в глазах закона плод — не субъект, а часть материнского тела. У Ульпиана так и сказано: плод чрева до рождения является частью женщины или ее чрева (*Dig.*, 25, 4, 1). После же рождения муж может потребовать своего сына — или чтобы ему его предъявили, или чтобы было разрешено его забрать: Ульпиан рассматривает случай, когда в ситуации развода муж подозревает, что его бывшая жена скрывает беременность. Плод охранялся законом, поскольку охранялась беременная. В случае же если женщина тайно сделала аборт, наказывается, по сути, не само действие, а некоторые сопровождающие обстоятельства, связанные с наследованием.

Марциан свидетельствует: «Божественный Север и Антонин постановили своим рескриптом, что ту, которая умышленно вытравила (плод), наместник провинции должен отправить во временное изгнание, ведь можно счесть недостойным, что она безнаказанно лишает мужа детей (*indignum enim vederi potest impune eam maritum liberis fraudasse*)» (*Dig.*, 47, 11, 4, пер. здесь и далее А.Л. Смышляева; также *Dig.*, 48, 8, 8 — *Ulpianus*). У Трифонины та же статья закона приведена в развернутом виде, отчего понятен становится контекст. Правовед вспоминает приведенный выше случай с милетяжкой, о котором поведал Цицерон, и поясняет: «Но и (в том случае), если какая-либо (женщина), поскольку была беременна, после развода причинит насилие своей материнской утробе, чтобы не родить сына уже ненавистному мужу, ее (следует) наказать временным изгнанием, как постановили в рескрипте наши наилучшие императоры» (*Dig.*, 48, 19, 39). То есть наказание — изгнание — следует за нарушение прав отца.

Таким образом, в римском праве до рождения плод юридически не признавался личностью, и поэтому аборт не является нарушением закона. Есть, правда, в «Дигестах» цитата из «Сентенций» Павла: «Кто дает abortивное или вызывающее любовь зелье, даже если без злого умысла, однако, так как это дурной пример, люди низшего сословия — в рудники, высшего — на остров отправляются с лишением части имущества. Если же из-за этого погибнет женщина или мужчина, приговариваются к высшей мере» (*Dig.*, 48, 19, 38.5). Однако наказание здесь предусмотрено не за убийство плода, а за использование вредоносного магического зелья [*Gardner*, 1986, p. 159; *Riddle*, 1992, p. 63–64].

Примеры из греческого и римского судопроизводства показывают, что аборт карался, лишь когда затрагивал интересы отца — *ἄβριος*, *pater familias*, чьи права на ребенка нарушались действиями матери.

3. Пожалуй, главный аргумент, показывающий, что едва ли запрет абортов входил в этический кодекс среднестатистического античного врача. Если мы обратимся к античной медицинской литературе, мы встретим там сотни рецептов как противозачаточных, так и abortивных средств. В том же Гиппократовом сборнике в пер-

вой книге *De morbis mulierum* («О женских болезнях») несколько глав — монотонный перечень такого рода снадобий. Рецепты и инструкции, нередко повторяющиеся, приводятся во множестве у греческого врача Педания Диоскорида (I в.), автора сочинения «О лекарственных веществах» (Περὶ ὕλης ἰατρικῆς, *lat.* De materia medica), основоположника всей европейской фармакологии; у пергамского медика и философа Галена (ок. 129–216), у Псевдо-Галена и т. д.¹⁴ Всевозможные зелья являлись наиболее популярным способом прерывания беременности. Среди них были как простые по составу (например, настойка из цикламена или оносмы), так и весьма замысловатые. Активно применялись и пессарии, ингредиенты которых — нередко такие же, как и у зелий: зверобой, горная рута, мирра, чемерица белая, бешеный огурец, цикламен, люпин, кедровое масло, золототысячник, головка вареного чеснока, смешанные с водой, вином или горячим маслом и превращенные в пессарии. Из тех же элементов составляли мази. Гален уверяет, что прикладыванием мази из цикламена на брюшную полость можно вызвать выкидыш (*Gal.*, XII, 51).

Большинство из приводимых авторами рецептов, часть из которых фантастична, едва ли отличались эффективностью. Так как нередко предлагалось принимать зелья и пессарии в комплексе, возможно, какой-то ингредиент и помогал, но выделить, какой именно, — практически невозможно.

Использовались и иные способы прерывания беременности. Античные медики знали, что внешнее воздействие (травма, удар, падение) и интенсивные физические упражнения могут привести к выкидышу, и учитывали это в своей практике (*Hipp. Gen.*, 1, 10; *De mul. affect.*, I, 25). Соран, который предлагал применять в комплексе диету, физическую нагрузку, кровопускание, массаж, ванны, мочегонные отвары, припарки, подчеркивает: предписанные меры будут эффективны, если срок беременности небольшой, лучше всего — первые 30 дней после зачатия (*Sor. Gyn.*, I, 64–65). При этом эфесский врач не осуждает аборт прямо, но высказывает предпочтение контрацептивам, ибо прерывание беременности может быть опасным для женщины (*Ibid.*, I, 60).

Большое разнообразие abortивных средств и техник, представленных в сочинениях древнегреческих и римских медиков, свидетельствует о распространенности искусственного прерывания беременности в античности. Определенный довод в пользу такого вывода дают исследования женских костных останков, предпринятые в последние десятилетия, которые позволяют определить, сколько раз женщина рожала. Для античного Средиземноморья были получены весьма интересные данные. Дж. Лоуренс Энджел приводит следующие цифры: в эпоху архаики (ок. 650 г. до н. э.) на женщину в среднем приходится 4,6 родов, выживших детей — 3; в эллинистическое время (300 г. до н. э.) женщина рожала в среднем 3,6 ребенка, выживших — 1,6; в императорском Риме (ок. 120 г. н. э.) в среднем — 3,3 ребенка, выживших — 1,6 [*Angel* 1972, p. 94]. Есть, однако, сомнения в точности методов, используемых в этих исследованиях [*Riddle*, 1992, p. 14–15]. Но если они хотя бы относительно отражают реальную ситуацию, очевидно, что такая низкая рождаемость для античного Средиземноморья могла быть достигнута только применением противозачаточных и abortивных средств.

¹⁴ Примеры античных рецептов abortивных и противозачаточных средств см., например, в: [*Riddle*, 1992, p. 25–62; *Kapparis*, 2002, p. 13–22; *Кудрявцева*, 2021а, с. 53–58].

Как это сочетается с запретом из Гиппократовой клятвы — реальность тут явно противоречит слову. Собственно, об этом же свидетельствует само содержание многих трактатов Гиппократова корпуса, в которых речь идет об abortивных средствах, а также описание конкретных случаев. Об одном из самых ярких рассказал автор трактата «О природе ребенка» (*De natura pueri*): его родственница владела ценной девушкой-певицей (μοῦσοεργός), которая часто «имела дело с мужчинами». Забеременев, та могла эту ценность утратить, поэтому и понадобилась консультация врача. Тот посоветовал ей подпрыгивать, ударяя пятками о ягодицы (πρὸς πυγῆν πηδήσαι). Комментаторы, начиная с Литтре [Littré, 1851, p. 490], видят здесь отсылку к известному спартанскому танцу (прыжку), о котором упоминал в «Лисистрате» Аристофан (Lys., 82: γυμνάδδομαι γὰρ καὶ ποτὶ πυγὰν ἄλλομαι). После того, как девушка подпрыгнула таким образом семь раз, «семя с шумом вылилось на землю» (Hipp. Nat. puer., 13, пер. В.И. Руднева)¹⁵. Автор подчеркивает: семени было лишь шесть дней от роду (Ibid.), — но и с этой оговоркой поведенная история представляется неправдоподобной. Врач, который дал рабыне этот совет, не считает, что делает что-то предосудительное. Объяснение его решимости и отсутствия у него угрызений тем, что девушка — рабыня [Lonie, 1981, p. 165], сомнительно. Герой рассказа далее без каких-либо сожалений о случившемся выкидыше с живейшим любопытством описывает свои впечатления от лицезрения эмбриона, похожего на «яйцо», окруженное мембраной. Интересно, что Эротриан (Voc. Hipp, p. 9), Макробий в «Комментариях на “Сон Сципиона”» (In Somn. Scip., I, 6, 17) и Гален полагали, что автором трактата «О природе ребенка» может быть сам Гиппократ¹⁶, то есть получается, что автор «Гиппократовой клятвы» сам давал советы по поводу аборта.

Многие античные философы также не усматривали ничего зазорного в практике искусственного прерывания беременности. У Платона фетицид фактически регулирует рождаемость в его идеальном государстве: если возраст родителей не является лучшим для деторождения, от плода лучше избавиться, а если родится ребенок, «пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать» (Rep., V, 461c, пер. А.Н. Егунова). Аристотель в «Политике» рассуждает о возможности аборта, прежде чем у зародыша «появятся ощущения и жизнь (πρὶν αἴσθησιν ἐγγενέσθαι καὶ ζῶην)» (Pol., 1335b24–25).

Последнее замечание дает возможное объяснение появлению парадоксального пункта в «Гиппократовой клятве». В античной философской и медицинской литературе прослеживается разное восприятие зародыша в зависимости от срока беременности. Согласно Эмпедоклу, зародыш — еще не человеческое существо, ибо покоится в утробе бездыханным, первое же дыхание происходит во время родов (DK 31A74). Точку зрения о том, что человеческую сущность плод приобретает только

¹⁵ Гален четырежды приводит в своих трактатах *De semine* («О семени»), *De foetuum formatione* («О формировании плода»), *Adversus Lycum* («Против Лика»), *De facultatibus naturalibus* («О естественных способностях») этот же случай — видимо, он произвел на него большое впечатление (Gal., IV, 524–526; IV, 653–655; XVIII A, 236; II, 86).

¹⁶ Гален приписывает авторство трактата то Полибу, зятю и ученику Гиппократу, то самому великому врачу (Gal., IV, 525; IV, 653).

с рождением, отстаивали и стоики (Marc. Aur. Med., XII, 24; Ps.-Gal. Ad Gaur., 14, p. 53–54, ed. Kalbfleisch)¹⁷.

Разницу в восприятии плода четко выразил и Соран, у которого после зачатия — семя (σπέρμα), затем оно изменяется и превращается в эмбрион, и это уже некая сущность (φύσις ἐστί), а по мере развития проявляется и душа (κατὰ προϊούσαν δὲ καὶ ψυχῇ) (Gyn. 1, 60).

У раннехристианских авторов точка зрения о том, что эмбрион приобретает свою человеческую сущность (душу) с самого начала, то есть с момента зачатия, была более распространена, чем у языческих: об этом писали Климент Александрийский в «Эклогах пророческих книг» (Clement. Ecl. proph., 50), Тертуллиан в «Апологетике» (Tert. Apol. 9, 8), Лактанций в «О творении Божьем» (Lact. De opif. Dei, 17, 7). Но некоторые из христианских богословов, к примеру Григорий Нисский, высказывались в том духе, что зародыш, пока еще не сформировался, не имеет души¹⁸. Иероним полагал, что семена в утробе постепенно обретают форму (semina paulatim formantur in uteris) и нельзя говорить об убийстве (плода), пока беспорядочные элементы не обретут свой образ и (не сформируются) члены (donec elementa confusa suas imagines membraque suscipiant) (Hier. Ep. 121, 4 [ad Algasiam]). Здесь можно усмотреть влияние не только античных философов, но и ветхозаветной традиции. В Книге Исхода (Исх. 21: 22, в варианте Септуагинты, Синодальный перевод) приводится такой казус: «Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет (букв.: ее ребенок выйдет еще не оформившийся — μή ἐξεικονισμένον. — Прим. авт.), но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках; а если будет вред (букв.: если же был оформившийся — ἐὰν δὲ ἐξεικονισμένον. — Прим. авт.), то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». То есть причиненный женщине вред в виде спровоцированного выкидыша на раннем сроке не считается убийством в отличие от потери уже сформировавшегося плода. Именно в «Вопросах на Семикнижие» в обсуждении этой главы Книги Исхода блаженный Августин сформулировал свою позицию: «В таком случае обычно возникает вопрос о душе: может ли то, что еще не сформировалось, пониматься как одушевленное; и потому здесь нет убийства, так как нельзя лишить жизни то, что до сих пор не имело души <...>. Закон не пожелал отнести [гибель несформировавшегося плода] к убийству, так как не может быть названа живой душа в том теле, что лишено чувств» (Aug. Quaest. in Hept., II: Quaest. Exod., LXXX)¹⁹. Этот комментарий Августина считается чуть ли не наиболее влиятельным святоотеческим текстом об абортгах; влияние это прослеживается вплоть до нашего времени [Elsackers, 2010, p. 379].

¹⁷ О взглядах стоиков по поводу души у плода: [Hähnel, 1936, S. 231, 241; Riddle, 1992, p. 21; Kapparis, 2002, p. 43].

¹⁸ «Ибо как никто не назовет человеком незрелый зародыш, но признает за ним только возможность развиться в человека, если будет доношен, а пока (зародыш) в несовершенном виде, он нечто другое, но не человек» (Greg. Nys. Adv. Mac., 15; перевод Московской духовной академии): Творения святого Григория Нисского. Ч. 7. М.: Тип. В. Готье, 1865. С. 41.

¹⁹ Hic de anima quaestio solet agitari, utrum quod formatum non est, ne animatum quidem possit intelligi, et ideo non sit homicidium, quia nec examinatum dici potest, si adhuc animam non habebat <...> ideo Lex noluit ad homicidium pertinere, quia nondum dici potest anima viva in eo corpore quod sensu caret.

Возвращаясь к истории об искусственном выкидыше, поведенной в трактате «О природе ребенка» Гиппократова корпуса, заметим: нестыковку запрета аборта в «Клятве» и действий врача, помогавшего избавиться от плода, еще комментаторы эпохи Возрождения, защищавшие Гиппократов от обвинения в непоследовательности, объясняли не только сомнительным авторством трактата, но и ссылались на рассуждения античных философов о формировании плода и появлении у него души [Rütten, 1996, p. 475]. По сути, между зачатием и одушевлением плода было некое окно, когда можно было избавиться от плода, не подвергая себя моральному или иного рода осуждению [Fontanille, 1977, p. 194]. Большинство абортов происходило, очевидно, в первые 40 дней [Kapparis, 2002, p. 46], на что косвенно указывает замечание Аристотеля из его «Истории животных»: «...гибель зародыша до семи дней называется вытеканием (ἐκρύσεις), до сорокового дня — выкидышем (ἐκτροῦσμοί), большинство зародышей погибают в эти дни (καὶ πλεῖστα διαφθείρεται τῶν κημάτων ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις) (Arist. Hist. anim. VII, 3, 583b, пер. В.П. Карпова). Ранние аборты, таким образом, являлись вполне приемлемыми. Можно предположить, что в «Клятве» этот момент был опущен, хотя подразумевался, а применение abortивного pessaria было опасным и нежелательным на сроке беременности от двух месяцев и далее.

Следует признать, что загадка строк «Гиппократовой клятвы» об аборте не может быть решена полностью: трудно однозначно определить, кто следовал содержащимся в ней указаниям и почему в качестве недопустимого abortивного средства указывается pessaria. Была ли клятва вообще универсальной, общепринятой в медицинском сообществе тогда, когда ее создал Гиппократ? Едва ли. Строгих этических норм, запечатленных в «Клятве», скорее всего, неукоснительно придерживался достаточно узкий круг античных медиков, адептов косской школы асклепиадов [Edelstein, 1943, p. 12; Lichtenthaler, 1984, S. 140, 151]. Она могла отражать и сугубо частное мнение или случай из практики: abortивные pessaria бывали весьма едкими (судя по входящим туда компонентам) и способными приводить не только к неприятным ощущениям, но и к пагубным последствиям как для плода, так и для здоровья женщины²⁰. В любом случае то самое гуманистическое влияние на учеников и последователей автора «Клятвы», о котором радел Скрибоний Ларг, едва ли имело место в античную эпоху в свете сотен рецептов abortивных зелий и pessaria, которые мы находим в древнегреческой и римской медицинской литературе, в том числе в трактатах Гиппократова корпуса.

Источники

- Aristophanis comoediae. The Comedies of Aristophanes / Ed. B.B. Rogers. London: G. Bell & sons, 1910. Vol. IV: The Lysistrata. The Thesmophoriazusaе. 588 p.
- Augustini Aurelii Quaestiones in Heptateuchum // Patrologia Latina. T. 34 / Ed. J.-P. Migne. Paris: J.-P. Migne, 1865. P. 551–824.
- Erotiani Vocum Hippocraticarum collectio cum fragmentis / Rec. E. Nachmanson. Upsaliae: Appelbergs Boktryckeri, 1918. 155 p.
- Claudii Galeni Opera Omnia / Ed. K.G. Kühn. Leipzig: Car. Cnoblochii, 1821–1833. 22 vols.

²⁰ Об опасности pessaria см., например: Hipp. De mulier., I, 67; 72.

DK — *Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Bd. 1. Berlin: Weidmann, 1960. 518 S.

Hieronymi Ad Algasiam de quaestionibus XI // *Patrologia Latina*. Т. 22 / Ed. J.-P. Migne. Paris: J.-P. Migne, 1845. P. 1006.

Hippocrates. *Oeuvres complètes d'Hippocrate* / Par É. Littré. Paris: chez J.-B. Baillière, 1839–1861. 10 vols.

Macrobian Commentarii in Somnium Scipionis // *Macrobius*. Vol. 2 / Ed. J. Willis. Leipzig: B.G. Teubner, 1970. 253 p.

Pliny. *Natural History*. Vol. 5. Cambridge, Mass.: The Loeb Classical Library, 1961. 568 p.

Scribonii Largi Compositiones / Ed. S. Sconocchia. Berolini: Walter De Gruyter, 2020. 695 p.

Sorani Gynaeciorum libri IV / Ed. I. Ilberg. Lipsiae; Berolini: Teubner, 1927. 282 p.

Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. München: Teubner, 1994. Vol. 2. 740 p.

TAM V, 3 — Tituli Asiae Minoris, V. Tituli Lydiae linguis Graeca et Latina conscripti / Ed. G. Petzl. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2007. Vol. 3. No. 1415–1953, Philadelphiea et Ager Philadelphenus.

Theodori Prisciani Euporiston libri III / Ed. V. Rose. Lipsiae: In Aedibus Teubneri, 1894. 554 p.

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. IV / Пер. с древнегреч. под общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Аристотель. История животных / Пер. В.П. Карпова. М.: Издательский центр РГГУ, 1996. 526 с.

Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Эксмо, 2024. 1290 с.

Гиппократ. Избранные книги / Пер. с древнегреч. В.И. Руднева. М.: Биомедгиз, 1936. 736 с.

Гиппократ. Сочинения: В 3 т. / Пер. с древнегреч. В.И. Руднева. М.; Л.: Медгиз, 1941–1944. Т. 2, 3. 512, 364 с.

Григорий Нисский. Слово о Святом Духе против македонян духоворцев // Творения святого Григория Нисского. М.: Тип. В. Готье, 1865. Ч. 7. С. 23–58.

Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. VII, полутом 2. М.: Статут, 2005. 568 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова; ред. тома А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986. 571 с.

Платон. Собрание сочинений: В 4 т. / Пер. с древнегреч. под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 656 с.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 702 с.

Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. 1: *Анналы*. *Малые произведения*. М.: Ладомир, 1993. 445 с.

Цицерон. Речи: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1993. 444 с.

Литература

Кудрявцева Т.В. Контроль рождаемости в древнегреческом обществе // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 51–62.

Кудрявцева Т.В. Фрагменты речи Лисия «Об аборте» и загадка γραφή ἀμβλώσεως (жалобы по обвинению в аборте) // *Метаморфозы истории*. 2021. Вып. 20. С. 39–52.

Angel J.L. Ecology and Population in the Eastern Mediterranean // *World Archaeology*. 1972. Vol. 4. P. 88–105.

Bhagia A., Nerland A., Kalsbeek van M., Travers H. Abortion and The Hippocratic Oath: Historical Aspects South Dakota Medicine. 2022. Vol. 75. P. 410–412.

Brunt P.A. Italian Manpower, 225 B.C. — A.D. 14. Oxford: Clarendon Press, 1971. 750 p.

Daremborg Ch. Le Serment. Introduction // *Oeuvres choisies d'Hippocrate*. Paris: Labe, 1855. P. 1–9.

- Deichgräber K.* Der hippokratische Eid. Auf. 1. Stuttgart: Hippokrates-Verlag, 1955. 42 S.
- Edelstein L.* The Hippocratic Oath: Text, Translation and Interpretation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1943. 71 p.
- Elsackers M.J.* Reading between the Lines: Old Germanic and Early Christian Views on Abortion. 2010 [Thesis, externally prepared, Universiteit van Amsterdam]. 535 p.
- Feen R.* The Historical Dimensions of Infanticide and Abortion: The Experience of Classical Greece // *Linacre Quarterly*. 1984. Vol. 51. P. 248–254.
- Fontanille M.-T.* Avortement et contraception dans la médecine gréco-romaine. Paris: Laboratoires Searle, 1977. 233 p.
- Gardner J.R.* Women in Roman Law and Society. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986. 281 p.
- Golden M.* The Exposure of Girls at Athens // *Phoenix*. 1981. Vol. 35. P. 316–331.
- Gossen H.* Hippokrates 16 // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. VIII, 2. Stuttgart: J.B. Metzler, 1912. Sp. 1801–1852.
- Hähnel R.* Der künstliche Abortus im Altertum // *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften*. 1936. Bd. 29. S. 224–255.
- Harris W.* The Theoretical Possibility of Extensive Infanticide in the Graeco-Roman World // *Classical Quarterly*. 1982. Vol. 32. P. 114–116.
- Hopkins K.* Contraception in the Roman Empire // *Comparative Studies in Society and History*. 1965. Vol. 8. P. 124–151.
- Jones W.H.S.* The Doctor's Oath: An Essay in the History of Medicine. Cambridge: Cambridge University Press, 1924. 62 p.
- Jouanna J.* Hippocrates. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2001. 520 p.
- Kapparis K.* Abortion in the Ancient World. London: Bristol Classical Press, 2002. 264 p.
- Keller A.* Die Ahortiva in der römischen Kaiserzeit. Stuttgart: Deutscher Apotheker Verlag, 1988. 300 S.
- King H.* 'Hippocrates' Woman. Reading the Female Body in Ancient Greece. London; New York, 1998. 322 p.
- Lichtenthaler Ch.* Der Eid des Hippokrates. Ursprung und Bedeutung. Köln: Deutscher Ärzte-Verlag, 1984. 392 S.
- Littré É.* Introduction // *Oeuvres complètes d'Hippocrate / Par É. Littré*. T. 1. Paris: J.-B. Baillière, 1839. P. 1–554.
- Littré É.* Serment // *Oeuvres complètes d'Hippocrate / Par É. Littré*. T. 4. Paris: J.-B. Baillière, 1844. P. 610–633.
- Littré É.* De la nature de l'enfant // *Oeuvres complètes d'Hippocrate / Par É. Littré*. T. 7. Paris: J.-B. Baillière, 1851. P. 486–451.
- Lonie I.M.* Commentary // *The Hippocratic Treatises "On Generation," "On the Nature of the Child," "Diseases IV": A Commentary*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1981. P. 99–374.
- Patterson C.B.* "Not Worth the Rearing": The Causes of Infant Exposure in Ancient Greece // *Transactions of the American Philological Association*. 1985. Vol. 115. P. 103–123.
- Pomeroy S.B.* Goddesses, Whores, Wives, and Slaves. Women in Classical Antiquity. New York: Schocken Books, 1975. 265 p.
- Riddle J.M.* Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. 245 p.
- Riddle J.M.* Eve's Herbs: A History of Contraception and Abortion in the West. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. 341 p.
- Rütten T.* Receptions of the Hippocratic Oath in the Renaissance: the Prohibition of Abortion as a Case Study in Reception // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1996. Vol. 51. P. 456–483.
- Staden von H.* The Oath, the Oaths, and the Hippocratic Corpus // *La science médicale antique: nouveaux regards. Études réunies en l'honneur de Jacques Jouanna / Eds. V. Boudon-Millot et al.* Paris: Beauchesne, 2008. P. 425–466.

Temkin O. “On Second Thought” and Other Essays in the History of Medicine and Science. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2002. 272 p.

Tolsa Ch. On the Origins of the Hippocratic Oath // GRBS. 2019. Vol. 59. P. 621–645.

Torrance I.C. The Hippocratic Oath // Oaths and Swearing in Ancient Greece / Eds. A.H. Sommerstein, I.C. Torrance. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2014. P. 372–380.

Young J. The Oath of Hippocrates. Glasgow: James Maclehose and Sons, 1900. 12 p.

The Hippocratic Oath and Attitudes towards Abortion in Ancient Greek and Roman Society

TAT'YANA V. KUDRYAVTSEVA

Herzen State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia;

e-mail: tvkudryavtseva@herzen.spb.ru, tatyana@yandex.ru

The article presents a discussion about the well-known phrase from the Hippocratic Oath: “I will not give a woman a pessary to produce abortion,” which is sometimes interpreted as a prohibition of abortion. The article analyzes information from sources and the opinions of contemporary authors. It is pointed out that there are a number of serious arguments against such an understanding. In Antiquity, infanticide was permitted; it would have been strange, with such an attitude towards newborns, to show concern for the unborn fetus. Ancient Greek and Roman law does not mention the illegality of abortion; in the eyes of the law, the fetus is not a subject, but a part of the mother’s body. Ancient medical literature contains hundreds of recipes for both contraceptives and abortifacients. This very diversity suggests that in Antiquity, women who wished to terminate unwanted pregnancies, or were forced to do so for medical reasons, often resorted to abortions. The appearance of a paradoxical point in the Hippocratic Oath can be explained by different perceptions of the embryo depending on the stage of pregnancy in Greek and Roman philosophical and medical literature. In early pregnancy, it was possible to get rid of the fetus without incurring moral condemnation, so early abortions were quite acceptable. It can be assumed that this point was omitted in the oath, although it was implied, i. e., it was a question of prohibiting the use of an abortive pessary in pregnancies of 2 or 3 months and beyond. However, it is impossible to completely solve the riddle of the Hippocratic Oath in a situation where we can only speculate about who followed it in practice and how comprehensive its norms were. One thing is certain: the humanistic influence of the oath on ancient society did not lead the latter to abandon the widespread practice of artificial termination of pregnancy.

Keywords: Antiquity, Hippocrates, oath, Hippocratic Corpus, abortion, embryo.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 24-28-00515, <https://rscf.ru/project/24-28-00515/> at the Herzen State Pedagogical University of Russia.

References

- Angel, J.L. (1972). Ecology and Population in the Eastern Mediterranean, *World Archaeology*, vol. 4, 88–105. DOI: 10.1080/00438243.1972.9979522.
- Bhagia, A., Nerland, A., Kalsbeek van, M., Travers, H. (2022). Abortion and the Hippocratic Oath: Historical Aspects, *South Dakota Medicine*, vol. 75, 410–412. Available at: https://www.academia.edu/117678980/Abortion_and_The_Hippocratic_Oath_Historical_Aspects (date accessed: 10.02.2025).
- Brunt, P.A. (1971). *Italian Manpower, 225 B.C. — A.D. 14*, Oxford: Clarendon Press.
- Daremberg, Ch. (1855). Le Serment. Introduction, in *Oeuvres choisies d'Hippocrate* (pp. 1–9), Paris: Labe (in French).
- Deichgräber, K. (1955). *Der hippokratische Eid*, Auf. 1, Stuttgart, Germany: Hippokrates-Verlag (in German).
- Edelstein, L. (1943). *The Hippocratic Oath: Text, Translation and Interpretation*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Elsackers, M.J. (2010). *Reading between the Lines: Old Germanic and Early Christian Views on Abortion* [Thesis, externally prepared, Universiteit van Amsterdam]. Available at: https://pure.uva.nl/ws/files/1578600/76071_000_introduction.pdf (date accessed: 01.02.2025).
- Feen, R. (1984). The Historical Dimensions of Infanticide and Abortion: The Experience of Classical Greece, *Linacre Quarterly*, vol. 51, 248–254. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/213068501.pdf> (date accessed: 05.12.2024).
- Fontanille, M.-T. (1977). *Avortement et contraception dans la médecine gréco-romaine*, Paris: Laboratoires Searle (in French).
- Gardner, J.R. (1986). *Women in Roman Law and Society*, Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Golden, M. (1981). The Exposure of Girls at Athens, *Phoenix*, vol. 35, 316–331. Available at: <https://gwern.net/doc/history/1981-golden.pdf> (date accessed: 12.02.2025).
- Gossen, H. (1912). Hippokrates 16, in *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. VIII, 2, Sp. 1801–1852, Stuttgart: J.B. Metzler (in German).
- Hähnel, R. (1936). Der künstliche Abortus im Altertum, *Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften*, Bd. 29, 224–255 (in German).
- Harris, W. (1982). The Theoretical Possibility of Extensive Infanticide in the Graeco-Roman World, *Classical Quarterly*, vol. 32, 114–116. DOI: 10.1017/S0009838800022850.
- Hopkins, K. (1965). Contraception in the Roman Empire, *Comparative Studies in Society and History*, vol. 8, 124–151. DOI: 10.1017/S0010417500003935.
- Jones, W.H.S. (1924). *The Doctor's Oath: An Essay in the History of Medicine*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Jouanna, J. (2001). *Hippocrates*, Baltimore, Md: Johns Hopkins University Press.
- Kapparis, K. (2002). *Abortion in the Ancient World*, London: Bristol Classical Press.
- Keller, A. (1988). *Die Ahortiva in der römischen Kaiserzeit*, Stuttgart: Deutscher Apotheker Verlag (in German).
- King, H. (1998). *Hippocrates' Woman. Reading the Female Body in Ancient Greece*, London; New York: Routledge.
- Kudryavtseva, T.V. (2021a). Kontrol' rozhdayemosti v drevnegrecheskom obshchestve [Birth control in Ancient Greek society], *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, no. 3 (31), 51–62 (in Russian).
- Kudryavtseva, T.V. (2021b). Fragmenty rechi Lisiya “Ob aborte” i zagadka γραφή ἀμβλώσεως (zhalogy po obvineniyu v aborte) [The fragments of the Lysian speech “On the abortion” and the mystery of the γραφή ἀμβλώσεως (a public prosecution for abortion)], *Metamorfozy istorii*, iss. 20, 39–52 (in Russian).
- Lichtenthaler, Ch. (1984). *Der Eid des Hippokrates. Ursprung und Bedeutung*, Köln: Deutscher Ärzte-Verlag (in German).

Littré, É. (1839). Introduction, in É. Littré (Ed.), *Oeuvres complètes d'Hippocrate*, t. 1 (pp. 1–554), Paris: J.-B. Baillière (in French).

Littré, É. (1844). Serment, in É. Littré (Ed.), *Oeuvres complètes d'Hippocrate*, t. 4 (pp. 610–633), Paris: J.-B. Baillière (in French).

Littré, É. (1851). De la nature de l'enfant, in É. Littré (Ed.), *Oeuvres complètes d'Hippocrate*. t. 7 (pp. 486–451), Paris: J.-B. Baillière (in French).

Lonie, I.M. (1981). Commentary, in I.M. Lonie (Ed.), *The Hippocratic Treatises "On Generation," "On the Nature of the Child," "Diseases IV". A Commentary* (pp. 99–374), Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Patterson, C.B. (1985). "Not Worth the Rearing": The Causes of Infant Exposure in Ancient Greece, *Transactions of the American Philological Association*, vol. 115, 103–123. DOI: 10.2307/284192.

Pomeroy, S.B. (1975). *Goddesses, Whores, Wives, and Slaves. Women in Classical Antiquity*, New York: Schocken Books.

Riddle, J.M. (1992). *Contraception and Abortion from the Ancient World to the Renaissance*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Riddle, J.M. (1997). *Eve's Herbs: A History of Contraception and Abortion in the West*, Cambridge Mass.: Harvard University Press

Rütten, T. (1996). Receptions of the Hippocratic Oath in the Renaissance: The Prohibition of Abortion as a Case Study in Reception, *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, vol. 51, 456–483. DOI: 10.1093/jhmas/51.4.456.

Staden, von H. (2008). The Oath, the Oaths, and the Hippocratic Corpus, in V. Boudon-Millot et al. (Eds.), *La science médicale antique: nouveaux regards. Études réunies en l'honneur de Jacques Jouanna* (pp. 425–466), Paris: Beauchesne.

Temkin, O. (2002). *"On Second Thought" and Other Essays in the History of Medicine and Science*, Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press.

Tolsa, Ch. (2019). On the Origins of the Hippocratic Oath, *Greek, Roman and Byzantine Studies*, vol. 59, 621–645. Available at: <https://grbs.library.duke.edu/index.php/grbs/article/view/16290/7250> (date accessed: 25.01.2025).

Torrance, I.C. (2014). The Hippocratic Oath, in A.H. Sommerstein, I.C. Torrance (Eds.), *Oaths and Swearing in Ancient Greece* (pp. 372–380), Berlin; Boston, USA: Walter de Gruyter.

Young, J. (1900). *The Oath of Hippocrates*, Glasgow: James Maclehose and Sons.